

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Письма изъ Германіи

(Вокругъ выборовъ президента республики).

Событія, происходящія въ Германіи, представляютъ собою очень большой интересъ. Борьба, которая раздираетъ сейчасъ Германію, не только внутри - германская, партійная борьба. Только потому она такъ сложна и значительна, что съ одной стороны она является борьбою довоеннаго европейскаго сознанія съ сознаніемъ послѣвоеннымъ, а съ другою — борьбою послѣвоеннаго, въ основѣ итальянскаго, фашизма съ послѣвоеннымъ - же, въ основѣ русскимъ, коммунизмомъ. То, что эта идейная борьба происходитъ въ условіяхъ обостряющагося хозяйственнаго кризиса, органически связаннаго съ проигранной, кончившейся революціей, войной и злосчастнымъ Версальскимъ договоромъ, объясняетъ совершенно новый въ исторіи послѣднихъ десятилѣтій фактъ: — военнизацию и вооруженіе рѣшительно всѣхъ политическихъ идей. Въ германскихъ президентскихъ выборахъ, въ которыхъ не принимаетъ участія армія, самую активную роль играютъ четыре арміи: штурмовыя колонны національ - социалистовъ, національно - консервативная армія «Стального шлема», «Желѣзный фронтъ» демократіи и официально распущенный, но

подпольно существующій коммунистическій союзъ «Красныхъ бовиковъ».

Небывалая битва идей!

Отличительною чертою предвыборной кампаніи, первый туръ которой только что закончился, былъ монологически - декларативный стиль агитаціи. Ни на одномъ собраніи не происходило борьбы мнѣній. Политическіе противники въ качества таковыхъ вообще не встрѣчались. Всѣ агитаторы говорили только передъ своими, обращались только къ своимъ. Представители иныхъ партій присутствовали только въ порядкѣ нѣмыхъ наблюдателей или срывателей собраній. Во всѣхъ собраніяхъ происходили какъ-бы службы передъ стѣрующими прихожанами. Въ промежутокъ между политическими идеослуженіями стальными-шлемцы, желѣзно- и красно-фронтвики, но, главнымъ образомъ, крючкотворцы садились или становились на грузовики, украшенные соответствующими знаменами и носились по городу. Со столбовъ и стѣнъ смотрѣли на нихъ громадные плакаты и афиши, въ подавляющемъ большинствѣ которыхъ

выраженіе лицъ Гинденбурга Дюстерберга и Гитлера было весьма сложное: грозное, гибкое, военное. Въ каждомъ взорѣ по стальному лучу.

Чѣмъ ближе подходилъ день выборовъ, тѣмъ полнѣе овладѣвали національ - социалисты улицей. Наканунѣ выборовъ большинство столбовъ было сплошь заклеено ихъ плакатами, причемъ самаго различнаго содержанія: коммунистическаго, мелко-буржуазнаго, націоналистическаго - милитаристическаго. Красный атлетъ, на поясѣ котораго еле замѣтент національ - социалистическій значекъ; подпись — конецъ буржуазіи. Въ желтомъ, мгlistомъ туманѣ истощенная голодомъ группа безработныхъ; подпись — «Гитлеръ наша послѣдняя надежда». Стилизованный Гитлеръ въ формѣ, принимающій парадъ своихъ молодцовъ, и тутъ же натуралистическая фотографія Гитлера въ мѣщанскомъ пиджачкѣ передъ мелкоголовой, многотысячной толпой, обещающаго порядокъ и собственность. Смысль: — національ - социалисты не партія, а всепартія, обо всѣхъ думающая и отмѣняющая партійную грызню.

Въ субботу, наканунѣ выборовъ, поздно вечеромъ эта «все-партія» организовала свое послѣднее, торжественное и внушительное выступленіе. Городомъ, уопавшемъ въ снѣгу и залитымъ луннымъ свѣтомъ, стремительно шли въ продолженіе 40 - 50 минутъ по восемь человѣкъ въ рядѣ колонны желторубашечниковъ: въ рукахъ у каждаго по черному факелу. Каждое лицо въ красномъ свѣтѣ мятушагося огня. Надъ каждымъ отрядомъ громадный крас-

ный флагъ съ чернымъ крестомъ въ бѣломъ кругу. Впередѣ музыка. Во всемъ много настроенія, напряженія и дисциплины. Нѣтъ, это не «сбродъ» и не «банды». Это преступно соблазненные, но глубоко взволнованныя народныя массы, съ часу на часъ перерождающія душу Германіи и Европы.

Съ соблазномъ, владѣющимъ этими массами, необходима напряженнѣйшая борьба. Но эта борьба возможна только на почвѣ углубленнаго пониманія его социологической и психологической сущности. Врядъ ли можно оспаривать, что и русской демократіи придется въ будущемъ встрѣтиться съ фашизмомъ, уже зарождающимся въ эмиграціи. Необходимо потому тщательно и вдумчиво всматриваться въ его европейскіе образцы.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что національ - социалистамъ, — ихъ неугомонной энергіи, ихъ безответственной демагогіи, ихъ агитационному оптимизму, систематически утверждающему, что они-все, а всѣ остальные — ничто, удалось до очень значительной степени загипнотизировать общественное мнѣніе широкихъ круговъ безпартійной Германіи. Многие умные и наблюдательные люди, отнюдь не сочувствуя національ-социалистамъ, не только допускали возможность побѣды Гитлера, но подчасъ даже и не сомнѣвались въ томъ, что вождю національ - социалистовъ уже въ первомъ турѣ достанется президентское кресло.

Кресло президента, не доставшееся Гитлеру въ первомъ ту-

рѣ, не достанется ему и послѣ второго. Тутъ двухъ мѣсячей бытъ не можетъ. Но ликовать по этому поводу не приходится. Какъ никакъ, Гитлеръ собралъ больше 11 миллионѣвъ голосѣвъ изъ 37. Это успѣхъ громадный. Неуспѣхомъ онъ можетъ представляться лишь людямъ, безъ всякаго на то основанія повѣрившимъ рѣшимымъ завлеченіямъ Гѣббельса, что Гитлеръ уже въ первомъ турѣ получитъ абсолютное большинство голосѣвъ.

Подъ вліяніемъ громаднаго успѣха національ-соціалистовъ въ Германіи сейчасъ повсюду рѣшается вопросъ — возможенъ-ли въ ближайшее время приходъ къ власти Гитлера или нѣтъ? И какимъ путемъ: легальнымъ или революціоннымъ? Рѣшеніе этого вопроса, конечно, никому не подѣ силу. Возможны только раздумья надъ тѣми силами, что работаютъ на Гитлера и надъ тѣми, что работаютъ противъ него. Присмотримся къ тѣмъ и другимъ.

«Другіе народы, пишетъ редакторъ нѣмецкаго журнала «Die Tat», Цереръ, переживаютъ революціи. Удѣлъ Германіи мучительное эволюціонированіе». Мнѣ кажется въ этой фразѣ, предсказывающей эволюціонное перерожденіе Германіи, есть большая доля правды. Внимательно всматриваясь во все, происходящее сейчасъ въ Германіи, ясно чувствуешь, что бурная поверхность ея жизни — газеты, митинги, собранія, партіи, рейхстагъ, не похожи на ея вѣдряные устои: на любовное отношеніе къ своей работѣ крестьянъ и рабочихъ, на преданную службу чиновниковъ, на ту сосредоточенную силу, съ которой населеніе переноситъ уда-

ры хозяйственной разрухи, на ту громадную энергію, которую развили церковь и общество въ дѣлѣ помощи бѣднымъ и немущимъ. При семи миллионѣхъ безработныхъ, въ Германіи никто зимой не голодалъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова и никто не остался безъ подарка, хоть бы и скромнаго, къ Рождеству.

За истекшую зиму мнѣ пришлось много вращаться въ самыхъ разнообразныхъ организаціяхъ. Долженъ сказать, что образъ Германіи, вырастающей изъ углубленія въ ея внутреннюю жизнь, гораздо сложнее, интереснее и отраднее того, что долженъ слагаться у всѣхъ слѣдшихъ за ней по политическимъ отчетамъ партійныхъ газетъ. Если бывать только на партійныхъ собраніяхъ и читать только партійныя газеты, то легко придти къ выводу, что никакого нѣмецкаго народа вообще нѣтъ, такъ какъ никто никого не понимаетъ и никто ни съ кѣмъ не согласенъ. Картина, однако, сейчасъ же мѣняется и опредѣленно углубляется, какъ только отходишь отъ политики. Это не значитъ, конечно, что политическая жизнь принципиально поверхностнее хозяйственной, соціальной, культурной и всякой иной. Незыблемой іерархіи тутъ нѣтъ. Это значитъ лишь то, что призваніе Германіи, очевидно, лежитъ не въ политической сферѣ; наоборотъ: чистая политика является сферой, въ которой Германія наименѣе даровита. Доказательствомъ вѣрности этого положенія служатъ, между прочимъ

то, что малая талантливость нѣмецкой политики уничтожила блестящие военные успѣхи нѣмецкой арміи и грозитъ нынѣ сорвать завоеванія революцій, безусловная положительность которыхъ объясняется не въ послѣднюю очередь тѣмъ, что подъ впечатлѣніемъ военнаго разгрома въ Германіи не успѣли въ свое время разыгратъ чисто политическія страсти. То-же самое доказывается и фактомъ политическаго возглавленія Германіи дружественнымъ союзомъ Гинденбурга-Брюннинга. Что этимъ двумъ людямъ, по своимъ духовно - душевнымъ качествамъ совсѣмъ нетипичнымъ политикамъ, все еще удается справляться съ политическими страстями, обуревающими сейчасъ Германію, является лучшимъ доказательствомъ того, до чего силенъ въ Германіи не растлѣнный политической фразой, не истощенный партійной непримиримостью, спокойный, трезвый и отвѣтственный человѣкъ и до чего значительны въ ней малая дѣла тѣхъ, что иногда сами себя называютъ: «die Stillen im Lande».

Вся Германія покрыта народными университетами а также и народными очагами. Народные университеты ведутъ широкую общеобразовательную работу; народные очаги представляютъ собою своеобразные дома творческаго отдыха для молодыхъ рабочихъ, въ которыхъ они проводятъ обыкновенно по шести недѣль въ систематическомъ изученіи культурно-философскихъ и социально-политическихъ вопросовъ подъ руководствомъ опытныхъ учителей-педагоговъ. Въ Саксоніи вся эта работа сосредоточена въ рукахъ

чиновника министерства народнаго просвѣщенія, ежемѣсячно собирающаго у себя на дому дѣятелей народнаго просвѣщенія. Почти всѣ они — социалисты - демократы, почти всѣ молоды — отъ 25 до 35 лѣтъ. Я прослушалъ рядъ докладовъ и преній по нимъ и былъ пораженъ тѣмъ, до чего социаль-демократическій педагогъ, работающій гдѣ нибудь въ провинціальной глуши, не похожъ на типичнаго социаль-демократическаго партійца. Никакого доктринерства; большая живость и чуткость ко всѣмъ политическимъ вопросамъ современности; очень глубокое и сложное пониманіе Маркса, не имѣющее, въ сущности, почти ничего общаго съ тѣмъ, что принято называть марксизмомъ; глубокое и творческое ощущеніе кризиса официально - материалистическаго міросозерцанія; почти у всѣхъ положительное отношеніе къ религіозному началу, при рѣзкомъ, но на протестантской почвѣ понятномъ, отрицаніи церковности, и очень крѣпкой патриотизмъ, при полномъ отсутствіи шовинизма. У всѣхъ очень большой интересъ къ растущему сейчасъ въ Германіи «новому» чело-вѣку, къ желторубашечному національ - социалисту и заперженному Москвой коммунисту; у всѣхъ живое ощущеніе, что новые люди пускаютъ крѣпкіе корни въ рабочей средѣ, что съ ними предстоитъ сложная и длительная борьба и пониманіе того, что въ этихъ людяхъ есть какая-то твердыня вѣры, съ которой, безъ укрѣпленія собственной вѣры, не справиться. Этимъ чувствомъ, въ связи со страстнымъ стремленіемъ отстаивать свои позиціи, объясняется то, что два

первые доклада были посвящены вопросам объ отношеніи политики и міросозерцанія. Послѣ жаркихъ, но въ общемъ гармоничныхъ преній, сошлись на нѣкоторые, для всѣхъ приемлемые положеніяхъ. Въ ближайшее время предстоятъ встрѣчи съ коммунистами и національ - социалистами. Послѣдніе ведутъ упорное наступленіе противъ народныхъ школъ и очаговъ, «врасадниковъ марксизма», и стремятся къ распространенію своихъ собственныхъ народныхъ школъ имени Фихте.

То же самое, столь чуждое партійной жизни стремленіе къ взаимопониманію, та же жажда встрѣчи и возможности общенія поразили меня однажды въ другомъ мѣстѣ. Въ Дрезденѣ, какъ вѣроятно и въ другихъ городахъ, существуетъ школа для инструктированія работниковъ по социальной помощи. Принимаются ученики и ученицы разнаго возраста, отъ 18-ти до 28 лѣтъ (приблизительно). Предпочитаются люди, уже работавшіе практически. Задача выпускаемыхъ работниковъ не только въ обслуживаніи матеріальныхъ нуждъ безработныхъ, но и въ душевномъ врачеваніи ихъ большой озлобленной скорби. Безработные принадлежатъ нынѣ къ самымъ разнообразнымъ социальнымъ классамъ и политическимъ направленіямъ. Элементарный тактъ требуетъ посылки въ квартиры безработныхъ социальнаго и психологическаго какъ бы родственныхъ имъ работниковъ. Школа инструкторовъ объединяетъ потому людей всѣхъ политическихъ партій. Среди 30 людей старшаго курса, на которомъ я читалъ лекцію на социально-политическую тему, большинство соста-

вляли демократы разныхъ отбѣлковъ, но было много національ-соціалистовъ и нѣсколько коммунистовъ (2 партійныхъ). Во главѣ школы известная демократка, членъ ландтага, франкофилка и пацифистка. Задача школы, по ея словамъ: «практика взаимопониманія», «воспитаніе уваженія къ чужому мнѣнію», т. е. «организация свободы».

Читая докладъ и самъ ведя за тѣмъ, въ качествѣ избраннаго предсѣдателя, пренія, я былъ радостно пораженъ степенью осуществленности этихъ задачъ.

Молодежь чрезвычайно горячая, идеалистически - страстная; уже во время доклада по выраженію лицъ можно было легко догадаться, кто какого направленія. Вопросы, которые мнѣ ставились, ставились очень отчетливо. Возраженія, на которыя оппоненты рѣшались, отстаивались очень энергично и твердо. И все же у всѣхъ чувствовалась жажда взаимнаго пониманія, желаніе не запутаться въ случайныхъ недоразумѣніяхъ. Когда кончились пренія, всѣ вмѣстѣ двинулись въ городъ (школа помѣщается за городомъ); въ трамваѣ сразу потухла — во всякомъ случаѣ по отношенію ко мнѣ лично — всякая политическая настороженность; осталась только одна благодарность къ человѣку, который, «несмотря на свою занятость, пріѣхалъ къ нимъ и провелъ весь вечеръ, дѣлясь своимъ знаніемъ и жизненнымъ опытомъ».

Все это не является, однако, безусловною гарантіей того, что слушавшіе меня коммунисты и національ - социалисты не переколотятъ другъ друга накануне втораго тура президентскихъ вы-

боровъ. Подчасъ политическія страсти захватываютъ, къ сожалѣнію, сферы, казалось-бы не имѣющія съ политикой ничего общаго. Такъ, всю прошлую зиму въ нѣмецкихъ университетахъ бушевала свирѣлая студенческая борьба противъ проф. богословія Гюнтера Дена. Одинъ изъ основателей союза религіозныхъ социалистовъ, пасторъ Денъ произнесъ еще то своего избранія на кафедру практическаго богословія рѣчь объ отношеніи христіанства къ войнѣ. Рѣчь отнюдь не политическую, отнюдь не пасифистскую, весьма осторожную и религіозно очень глубокую. Несмотря на всѣ перечисленныя качества выступленія Дена, нѣкій, не присутствовавшій на докладѣ генераль въ отставкѣ, обратился по поводу рѣчи съ открытымъ протестомъ въ консисторію. Консисторія отвѣтила двучленно: однимъ письмомъ Дену, другимъ — генералу. Факультетъ Гейдельбергскаго университета, уже выставившій кандидатуру Дена въ качествѣ профессора практическаго богословія, вдругъ снялъ ее, — фактъ небывалый въ университетской лѣтописи, — мотивируя свой шагъ невозможностью рисковать мирнымъ теченіемъ академической жизни, нарушеніе которой неизбежно, въ случаѣ назначенія «религіознаго социалиста».

Спустя нѣкоторое время Денъ все-же былъ назначенъ профессоромъ въ Галле. Такъ какъ назначеніе было проведено прусскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, тоже принадлежащимъ къ союзу религіозныхъ социалистовъ, то студенты въ Галле подняли страшную бурю. Денъ всю зиму не могъ спокойно читать.

Аудиторию охраняла полиція. Между университетомъ и министерствомъ шли все время переговоры. Студенты націоналисты не сдавались — требовали удаленія Дена. Правительство грозило исключеніемъ студентовъ и закрытіемъ университета. Дѣло перебросилось въ печать. Демократическая «Франкфуртская газета» предоставила свои страницы для выясненія всѣхъ подробностей дѣла и вотъ тутъ то и вскрылась поистинѣ страшная вещь. Нѣсколько очень глубокихъ, отнюдь не политиканствующихъ профессоровъ богословія, по своимъ настроеніямъ казалось-бы очень далекихъ отъ національ-соціалистической политики, высказались за студентовъ противъ Дена. Въ открытомъ письмѣ въ газету одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ профессоровъ прямо пишетъ, что Денъ, осмѣлившійся назвать національный подъемъ нѣмецкаго студенчества «демонизмомъ», тѣмъ самымъ самъ лишилъ себя права занимать дальше профессорскую кафедру, ибо онъ скомпрометировалъ себя не только какъ политикъ, но и какъ богословъ; скомпрометировалъ себя непониманіемъ того, что Богъ никогда не обращается къ человѣку вообще, а всегда къ конкретному человѣку, къ человѣку определенной націи, определенной эпохи, определенной судьбы. Обращаясь же въ 1931 году къ нѣмецкому юношеству, Богъ не могъ не благословить его на страду и геройство національнаго подвига!

Понятно, что въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ я не безъ нѣкотораго волненія согласился на просьбу религіозно-консервативной студенческой организа-

цин выступить съ докладомъ изъ политическую тему. Давы сразу пять быка за рога, я озглавилъ свой докладъ «христіанская національная политика и языческій націонализмъ». Однако, и на этотъ разъ мнѣ была уготована приятная неожиданность. Несмотря на господствующій въ нѣмецкихъ университетахъ духовный терроръ, національ-соціалистическаго бодьшинства, я въ приглашеніемъ меня союзъ встрѣтился съ людьми исключительной духовной серьезности и политической зрѣлости. Психологически — всѣ правые, т. е. люди, ущемленные «Версалемъ» и живущіе жаждой отмѣнить его. Религіозно — всѣ бартианцы, т. е. приверженцы богословской школы знаменитаго профессора богословія Барта. Бартианство — новая форма протестантской ортодоксіи, стремящаяся вернуть протестантизмъ къ его реформистскимъ истокамъ. Отношеніе бартианства къ политикѣ съ одной стороны очень опредѣленное, съ другой — двусмысленное, т. е. мѣшающее политическому самоопредѣленію. По мысли Барта всякій христіанинъ долженъ участвовать согласно велѣніямъ своей совѣсти въ политической жизни, но форма и мѣсто участія христіанствомъ указаны быть не могутъ. Передъ лицомъ абсолютной истины христіанства всѣ партіи и программы одинаково ложны. Праведной христіанской политики въ сущности вообще быть не можетъ. Все же есть великая правда въ участіи христіанъ, какъ христіанъ, въ политической жизни. Сущность этой правды заключается въ томъ, что партійный христіанинъ является какъ бы нечистой совѣстью всякой партіи, по-

стоянно призывающей ее къ углубленной отвѣтственности. Противъ этой, религіозно во многомъ глубокой, но политически весьма сообразительной точки зрѣнія, я и направилъ свою атаку. Доказывалъ, что исходя изъ Барта необходимо, пожалуй, стремиться къ тому, чтобы большинство христіанъ шло въ ряды національ-соціалистовъ и коммунистовъ, такъ какъ этимъ партіямъ особенно къ лицу имѣть «нечистую совѣсть». Убѣждалъ, исходя изъ своихъ предпосылокъ, что хотя евангельское христіанство и не заключаетъ въ себѣ опредѣленной политической программы, христіанинъ все же не можетъ сочувствовать всѣмъ партіямъ одинаково, ибо есть партіи, въ которыхъ можно состоять лишь съ нечистой совѣстью и другія, къ которымъ можно принадлежать съ чистой; предпочтительнѣе держаться послѣднихъ.

Пренія, которыя длились три часа, были очень оживленны. На какомъ-то крутомъ поворотѣ мысли у меня даже вырвалась фраза, что быть можетъ голова Гитлера и не такъ неумѣтна въ качествѣ кулака въ карманѣ Брюнинга, но что превращеніе этого кулака въ правительственную голову совершенно недопустимо. Я думалъ, что сорвавшаяся фраза вызоветъ бурю негодованія, но все обошлось тихо: очевидно, я снова имѣлъ дѣло съ людьми и настроеніями второго, подспуднаго слоя Германіи.

Особенно неожиданно и интересно обнаружился этотъ слой на одномъ деревенскомъ собраніи, гдѣ я по просьбѣ знакомыхъ помѣщиковъ читалъ докладъ о русской революціи.

Никогда за все время моего эмигрантского пребывания в Германии не чувствовал я громадной разницы между русской революцией и немецким, вовсе не революционным переворотом, с такою силою, как в вечерь этой моей лекции.

Конечно, помещики, с их точки зрѣнія, «обнищали»; не держать большихъ охотъ и верховыхъ лошадей, не давать парадныхъ обѣдовъ, зимою топать тишь нѣскольکو комнатъ въ своихъ замкахъ, одѣваются просто, ѣздятъ въ третьемъ классѣ... Свобода распоряженія своими угодьями у нихъ предѣльно ограничена; ни арендную плату изменить, ни лѣса своего свести они не могутъ. Измѣнилось и отношеніе къ простому народу. Лежація вдали отъ жилья части паковъ и садовъ открыты для всѣхъ. Наиболье цѣнные въ архитектурномъ и историческомъ значеніяхъ замки постоянно посѣщаются экскурсантами. Вся частновладельческая жизнь до дна пронизана государственной волей, связана непреложными законами.

Все это такъ, но что все это значитъ по сравненію съ тѣмъ, что всѣ живутъ въ своихъ насиженныхъ гнѣздахъ, что все встрѣчающееся въ округѣ населеніе за немногими исключениями привѣтливо кланяется, что барская часть парка отдѣляется отъ общедоступно маленюкой, почти лежащей на дорожкѣ цѣпочкой, которая никѣмъ не переступается, что во главѣ всѣхъ мѣстныхъ организацій, пожарныхъ командъ, народныхъ школъ (въ качествѣ попечителей), церковныхъ совѣтовъ и т. д. зачастую стоятъ титулованные владѣльцы, ведущіе большую по-

литическую работу среди своихъ односельчанъ.

Когда я въ качествѣ помѣщичьяго гостя вошелъ въ «господскую гостиницу», она была уже набита деревенскимъ людомъ. Основную массу (на докладъ было 350 человекъ) составляли крестьяне-арендаторы. Кромѣ нихъ солидно сидѣли за кружкой пива рабочіе барскаго же древообдѣлочнаго завода; лѣсничіе, ремесленники, учителя, лавочники. Около трети — женщины. Народъ простой, бѣдный, но весь какой то націщенный, прицаряженный. У очень многихъ на отворотахъ пиджаковъ значки стального шлема. Кое-гдѣ сидятъ національ-соціалистическіе штурмовики. Поджидаютъ общавшихъ притти съ соудней городской фабрики коммунистовъ, но скоро выясняется, что не будутъ, прислали только наблюдателей, которые ни шумѣть, ни выступать не собираются; можно начинать.

Я говорю о русской революціи. Просто, о ничего не упрощаю. Утверждаю: «въ Россіи революція произошла не потому, что у народа было мало хлѣба (его было вовсе уже не такъ мало, сейчасъ много меньше), а потому, что въ головахъ и сердцахъ правящаго слоя накопилось много мертвой правды, т. е. лжи. Изъ Бога, царя и отечества власть имущіе сдѣлали орудіе подавленія народной жажды свободы и творческаго участія народа въ строительство Россіи. Но духовная жизнь не терпитъ пустоты. Гдѣ умираетъ правда, тамъ жизнью сейчасъ — же завладѣваетъ ложь. Коммунизмъ и есть такая ложь, выросшая на могилѣ правды. За эту ложь коммунисты

въ отвѣтъ, но въ отвѣтъ за коммунистовъ могильщики русской правды. Безъ восстановления Божьей Правды въ своей душѣ борьба съ коммунизмомъ ни въ Россіи, ни въ Германіи, ни въ остальной Европѣ невозможна. Потому всѣ тѣ, которые думаютъ разбить коммунистовъ коммунистическими же средствами, только льютъ воду на коммунистическую мельницу.

Въ Германіи сейчасъ многіе думаютъ о революціи — это бессмыслица и грѣхъ. Въ Германіи революція уже была и, слава Богу, не докатилась до русскаго безудержья. Задача Германіи не въ углубленіи революціи, а въ творческомъ освоеніи революціонныхъ завоеваній. Единенію реакціонно-революціонныхъ силъ, единенію національ - социалистовъ съ коммунистами необходимо противопоставить единеніе силъ консервативныхъ и прогрессивныхъ. Консервативное сознаніе «стального шлема» должно стоять на стражѣ прогресса и преодолѣть въ себѣ соблазнъ реакціи, которая неизбежно приведетъ къ революціи».

Я говорилъ около двухъ часовъ, вплетая въ свой назидательный анализъ отдѣльные, предлагающія картины русской большевицкой революціи. Слушали изумительно — мухъ нельзя было неслышно пролетѣть.

На слѣдующее утро, обходя съ барономъ его большое и сложное хозяйство и бесѣдуя съ рабочими и лѣсничими, я убѣдился, что всѣ все очень по настоящему поняли. Главное-же, что всѣ ощутили, что я совсѣмъ не похожъ на другихъ ораторовъ, которые въ послѣднее время гово-

рили въ «господской гостиницѣ» Одинъ рабочий мнѣ такъ и сказалъ: «наконѣцъ-то, нашъ баронъ добылъ намъ человѣка, который разсказалъ, какъ оно на самомъ дѣлѣ есть; а то, что ни ораторъ, то ничего не разъясняетъ, а только травитъ. Мы отъ этой травы съ толку сбились, устали».

Два дня спустя выступала на предвыборномъ собраніи національ - социалистъ. Тотъ же залъ былъ почти пустъ, было человѣкъ 70. Очевидно, дѣйствительно устали отъ постоянного натравливанія.

Таковы настроенія и устремленія не слышныхъ въ обостренной политической борьбѣ, но, быть можетъ, наиболее здоровыхъ элементовъ нѣмецкаго народа. Величайшая задача, стоящая сейчасъ передъ всѣми ответственными людьми Германіи — пробудить въ каждомъ нѣмцѣ внутреннее отвращеніе къ безотвѣтственной демагогіи и политически организовать враждебныя безпредметному политиканству нравственные силы страны.

Безотвѣтственной политической демагогіей въ Германіи занимаются коммунисты и національ-социалисты. Каковы же шансы этихъ партій? Твердаго отвѣта на этотъ вопросъ дать, конечно, нельзя. Возможно только болѣе или менѣе обоснованное размышленіе о природѣ обѣихъ партій, о ихъ связи съ той настоящей Германіей, о которой шла рѣчь выше и о тѣхъ условіяхъ, что съ одной стороны могутъ ослабить, а съ другой разжечь революціонное чувство по существу не склоннаго къ революціи нѣмецкаго народа.

Начнемъ съ коммунистовъ. Отрицать громаднаго успѣха этой, самой молодой социалистической партіи, невозможно. Въ маѣ 1924 года коммунисты собрали на парламентскихъ выборахъ 8,9 проц. всѣхъ голосовъ, въ маѣ 1928 г. — 10,6%, въ сентябрѣ 1930 г. — 13,1%. Первый туръ президентскихъ выборовъ далъ Тельманну почти 5 миллионъ голосовъ. Эти успѣхи становятся особо показательными въ связи съ ослабленіемъ социаль - демократіи, которая въ маѣ 1928 г. собрала 29,8% всѣхъ голосовъ, а въ сентябрѣ 1930 г. только 24,5%. Какъ ни великъ, однако, этотъ избирательный успѣхъ коммунистовъ, самими коммунистами этимъ успѣхомъ особенно гордиться не приходится. Не приходится потому, что они постоянно подчеркиваютъ, что въ противоположность буржуазной социаль - демократіи, они представляютъ собою не парламентскую партію, а «партію внѣпарламентскаго массоваго дѣйствія». Съ этимъ же массовымъ дѣйствіемъ дѣла обстоятъ у нынѣшнихъ коммунистовъ весьма не блестятельно.

Одинъ изъ видныхъ функционеровъ коммунистической партіи, недавно покинувшій ея ряды и пишущій подъ псевдонимомъ, Вальтеръ Ристъ, правильно отмѣчаетъ въ рядѣ опубликованныхъ имъ статей, что коммунистические избиратели каждый разъ предавали своихъ избранниковъ и вождей, какъ только тѣ предъявляли къ нимъ требованія осуществленія «внѣпарламентскаго массоваго дѣйствія». Съ конца 1928 г. коммунистическая партія 7 разъ провозглашала массовую забастовку и 7 разъ изъ этого провозглаше-

нія ничего не выходило. Перваго мая 1929 года бастовало небольшое число рабочихъ на нѣсколькихъ стройкахъ и одна конфектная фабрика. Когда была распущена фабрика красныхъ боевиковъ, насчитывавшей, какъ никакъ 100 тысячъ членовъ, въ защиту ея не шевельнулся ни одинъ палецъ. Объявленію всеобщей забастовки, въ отвѣтъ на Брюнинговскій декретъ 1-го іюля 1931 г., не потчинился ни одинъ заводъ*). Ни какого массоваго движенія коммунистамъ вызвать ни разу не удалось. Все до сихъ поръ ограничивалось партизанщиной ночныхъ стычекъ съ полиціей, съ національ - социалистами и шествіями съ красными флагами.

То же самое впечатлѣніе полнотической незрѣлости и несерьезности коммунистической Германіи получается при разсмотрѣнн работы коммунистическихъ профсоюзовъ. (R. G. O. — Revolutionäre Gewerkschafts - Opposition). Насколько отзывчивыми изъ коммунистическихъ лозунговъ являются безработные и политически анонимная улица, настолько неподатливыми оказываются политически воспитанные нѣмецкіе рабочіе. Такъ, среди желѣзнодорожниковъ R. G. O. располагаетъ только 4% всѣхъ рабочихъ голосовъ, въ химической промышленности на 20.737 фабричныхъ совѣтовъ приходится всего только 252 совѣта R. G. O. Сравнительная статистика выборовъ коммунистовъ и социаль - демократическихъ потерь также отчет-

*) *Walter Rist. Neue Blätter für den Sozialismus. Heft 9. Jahrgang 31. Heft 2 und 3. Jahrgang 32.*

ливо устанавливаетъ прямую связь между политической несознательностью рабочаго и его готовностью голосовать за коммунистовъ. Привлеченіе въ свои ряды настоящаго рабочаго, потомственнаго почетнаго гражданина нѣмецкаго социализма, коммунистамъ не удастся. Нѣмецкая коммунистическая партія, это прежде всего пристанище недовольныхъ, озлобленныхъ безработныхъ элементовъ. Наростаніе этихъ элементовъ въ связи съ общеевропейскимъ и въ частности нѣмецкимъ кризисомъ, не удивительно. Неудивительно потому и набуханіе коммунистической партіи. На коммунизмъ работаютъ также и рядъ другихъ, очень существенныхъ обстоятельствъ: поддерживаемый московскими субсидіями мифъ собѣтскаго рад, трудность и непопулярность того пути тѣснѣйшаго сотрудничества съ буржуазіей, которымъ социаль - демократія принуждена вести нѣмецкій пролетаріатъ и та узость марксистской идеологій, которая мѣшаетъ социаль - демократической партіи теоретически оправдать и нравственно осмыслить выбранный ею самую политическій путь. То, поистинѣ большое дѣло перерожденія сознательнаго классоваго борца въ національнаго вождя, которое эта партія упорно творить со дня избранія Эберта въ президенты республики, она дѣлаетъ со спущеннымъ флагомъ и при погашенныхъ огняхъ. Отсюда совершенно очевидная потеря нравственнаго престижа въ странѣ и вліянія на подрастающее поколѣніе.

Впрочемъ необходимо отмѣтить, что въ процессъ агитаціонной борьбы за Гинденбурга въ сознаніи

нѣмецкой демократіи и прежде всего социаль-демократіи, произошелъ явный переломъ. Активистская организациія «жельзнаго фронта» вошла въ политическую жизнь очень замѣтнымъ факторомъ. Демократія повысила голосъ, заявила не только о своей непреклонной волѣ къ борьбѣ, но и о своей увѣренности въ побѣдѣ. Сейчасъ, наканунѣ второго тура, всѣ столбы заклеены плакатами «жельзнаго фронта». Идутъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ прежде первымъ туромъ, митинги и собранія. Измѣнилось (сознательный тактичскій пріемъ) и отношеніе къ врагу. На нѣкоторыхъ плакатахъ Гитлеръ фигурируетъ въ качествѣ мальчишки, удирающаго отъ молота въ рукѣ рабочаго, изъ другихъ изображенъ національ-социалистъ, лежащій на спинѣ и отбивающійся отъ наскочившаго на него жельзнаго фронтовика. Стѣнная живопись національ-социалистовъ перечеркивается, какъ бы погашается. На дняхъ состоялся грандіозный фейерверкъ «жельзнаго фронта» съ музыкой, флагами и, конечно, съ ораторами у микрофона.

Все это только еще поворотъ сознанія и воли, фактическихъ побѣдъ еще нѣтъ. Но этотъ поворотъ уже побѣда, ибо онъ условіе побѣды. Онъ гипнотизируетъ обывательски-демократическія массы, которыя, видя на плакатахъ мальчишку Гитлера, теряютъ къ нему уваженіе. Видя, какъ жельзанный фронтовикъ колотитъ растлужившагося на землѣ гитлеровца, убѣждаются, что жельзно - фронтовики сильнѣе гитлеровцевъ, смотря на энергично перечеркнутый красною краской громадный гитлеровскій крестъ на заборѣ, чув-

ствуют, что не все согласны с желторубашниками и глядя на сжигаемый фейерверк, думают, что они уже празднуют свою победу.

Развернувшаяся сейчас в Германии немощно-страстная борьба дает исключительный материал по психологии и социологии массы. Очень поучительная, но и очень печальная картина!

Прирост силы и решительности на одном полюсе политической жизни обыкновенно означает убыль силы на другом, противоположном. Факт появления «железного фронта» безусловно свидетельствует о каком-то неблагоприятном сдвиге в националь - социалистической среде. Вышнее движение растеть; вероятно, будет расти и дальше; и все же чувствуется, что оно начинает само в себя, в своих успехах, в своей грандиозности внутренне запутываться.

Остановимся сначала на вышнем благополучии. Со времени выборов в рейхстаг партия удвоилась и вне всякого сомнения глубоко проникла в жизнь и душу Германии. На предвыборном собрании «железного фронта» присутствовало тысяч 12 - 15. Демонстрация националь - социалистов (выступала, правда, сама Гитлер) собрала, по данным полиции, около 60 - 70 тысяч человек (националь - социалисты насчитывают 80.000). В два дня местная фракция продала 54.000 билетов. Сидячие по 10 и 5 марок, стоячие по 2 марки и входные по 30 пфенигов. И это в «нижней» Германии и в Дрездене,

где Гинденбург с легкостью получил большее количество голосов, чем все остальные кандидаты вместе.

Изумительно, поистине образцово было в этот день, к слову сказать, поведение республиканской полиции и городского самоуправления. Какая объективность, справедливость и одинаковая предупредительность в отношении к борющимся сторонам (оба митинга происходили в одно и то же воскресенье). Полиция была всецело и невидима. Город с легкостью организовал доставку за город 60.000 человек. Каждому было место в обильно заготовленных трамваях и автобусах. Мне вспомнился рассказ Горького, как немецкие коммунисты, избив полицейского, сами перевязали его и вызвав карету скорой помощи, доставили его в госпиталь и как они в другой раз во время революционного захвата правительство национального учреждения бржали по дорожкам парка, не желая топтать газон. Вывод Горького был суров и отчетлив: «Безнадежный народ, не способный к революции». На митинг националь - социалистов, стоя за 2 марки в шестидесятитысячной толпе и слушая Гитлера, я думал: изумительный народ, кажется, действительно неспособен на революцию.

Но вернемся к националь - социалистам. Понять, что сейчас происходит в их стане, нелегко. Но совершенно ясно, что в партии неблагоприятно и что это неблагоприятие связано с неважно быстрым ростом партии. На пути революционной и изначально безусловно героической

воли Гитлера встала социальнo-политическая разноприродность созванныхъ имъ подъ свои знамена многомиллионныхъ массъ. Благодаря своей разноприродности эти массы могутъ расти, или по крайней мѣрѣ не распадаться, лишь при условіи революціоннаго бѣга на мѣстѣ. Общаго всѣмъ пути у національной оппозиціи быть не можетъ. Вся трагедія Гитлера въ томъ, что онъ вождь оппозиціи, способной только къ протесту, но неспособной ни къ какому политическому творчеству. Программа національ-соціалистовъ — не программа, а перечень недовольствъ, выраженныхъ въ формѣ желаній. Но необузданность желаній есть всюду и всегда начало разложенія воли. Воля національ-соціалистическаго ядра очевидно размагничивается сейчасъ необузданными желаніями идущихъ за Гитлеромъ миллионъ. Гитлеръ и его окруженіе, конечно, чувствуютъ, что время бѣга на мѣстѣ кончилось, что пора дѣйствительно бѣжать. Но бѣжать некуда. Куда бы Гитлеръ ни побѣжалъ, небольшая часть побѣжитъ за нимъ, а другіе разбѣжятся. Такъ вырастаетъ дилемма: необходимо дѣйствовать, но дѣйствовать невозможно. Неоднократно торжественно обѣщанная Гитлеромъ и даже Гейбельсомъ легальность есть лишь высшее выраженіе всего этого запутавшагося положенія. Легальная революція, это все равно что деревянное желѣзо: бессмысленная мысль, обнаруживающая съ одной стороны недостаточность воли къ революціи, а съ другой — политическаго ума для легальнаго захвата власти и легальнаго перерожденія страны.

Этотъ тупикъ, въ который по-

пала партія, объясняется поверхностностью исходныхъ міросозерцательныхъ позицій. Правильно учтя метафизическую душу 20-го столѣтія, правильно почувствовать необходимость міросозерцательнаго обоснованія задуманнаго политическаго выступленія, правильно ощутивъ, наконецъ, развалъ всѣхъ безыдейныхъ, духовно пустогрудыхъ политическихъ партій, Гитлеръ не осилилъ одного: созданія подлиннаго міросозерцанія. Не разгадавъ объективной идеи нѣмецкой будущности, онъ подмѣнилъ ее субъективной выдумкой. Изъ подручнаго матеріала субъективныхъ настроеній и случайныхъ домысловъ онъ наскоро соорудилъ свое христiански - расистски - соціалистическое міросозерцаніе и выплылъ съ нимъ въ открытое море безконечно сложной политической борьбы, вынужденный все время приспосабливать свои идеи-выдумки къ слѣдымъ инстинктамъ рванувшейся ему навстрѣчу массы.

Надъ тупикомъ, въ который очевидно попали національ - соціалисты, необходимо крѣпко задуматься всѣмъ защитникамъ идеократіи. Индивидуалистически-міросозерцательный поклонъ на живую жизнь — совсѣмъ не идеократія. Идеи — верховныя, духовныя реальности, въ свѣтѣ которыхъ неизбѣжно меркнутъ всѣ выдумки. Жить идеями значитъ никогда ничего отъ себя не выдумывать, а всегда все послушно усматривать въ глубинѣ самой реальной жизни.

Христiанство есть опредѣленная духовная реальность, которую нельзя дополнять совершенно произвольными, выдумками. Националь - соціалистическій священ-

никъ, утверждающій, что «Гитлеръ излучаетъ въ міръ тѣ же силы, которыми нѣкогда былъ исполненъ Христосъ», и готовый потому умереть за Гитлера, быть можетъ, и очень героическій человекъ, но отнюдь не христіанинъ. Не христіанинъ и другой, присоединяющій по своему собственному признанію къ ежевечерне творимой молитвѣ Господней просьбу о «паденіи системы и о томъ, чтобы въ нужную минуту подъ рукой оказалось достаточное количество леньковъхъ веревочкѣ».

Этому извращенію христіанства (а національ - социалистическая программа утверждаетъ, что партія кладетъ во главу своего построенія положительное христіанство), соответствуетъ такое-же нелѣпое искаженіе всѣхъ принциповъ современной научной этнографіи и антропологіи. Можно быть антисемитомъ, но выдавать на этомъ основаніи свои міросозерцательныя выдумки за научныя идеи — нельзя.

Можно, далѣе, не раздѣлять марксистской философіи исторіи. Можно считать необходимымъ радикальный пересмотръ идейныхъ основъ современной социаль - демократіи и считать, что социалисты предали социализмъ, но утверждать, что Марксъ, Энгельсъ и всѣ остальные социаль - демократы вообще не социалисты, а социалисты — это Фридрихъ Великій, Освальдъ Шпенглеръ, Гитлеръ и ихъ послѣдователи, — бессмысленно. Такая социологія столь-же произвольная выдумка, какъ произвольна національ - социалистическая антропологія и національ - социалистическое христіанство. Съ этою произвольностью національ -

социалистическаго міросозерцанія, выдающаго свой непродуманный монтажъ всевозможныхъ отгалькиваній отъ современности за поджигательную идею будущаго, связана и та, отмѣченная мною выше, социальная разнохарактерность гитлеровскихъ массъ, которая уже грозитъ разваломъ партіи.

Въ громоздкомъ массивѣ національ - социализма явно различимы три слоя. Верхній, несмотря на всѣ свои радикальныя слова и жесты, по существу буржуазно-реакціоненъ. Чувствуя громадные достижения партіи, этотъ слой боится рискованной революціонной игры. Его тайнымъ выразителемъ является, кажется, самъ Гитлеръ; его правою рукою въ правительственныхъ кругахъ полковникъ Герингъ, національ - социалистическій офицеръ для связи съ рейхсверомъ. Если бы полнота власти въ партіи принадлежала Гитлеру, онъ по всей вѣроятности согласился - бы на правительственный планъ парламентскаго продленія президентской власти Гинденбурга, обмѣнявъ при этомъ случаѣ свой революціонный гнѣвъ противъ «системы» на свое милостивое участіе въ ней. Въ имперскомъ правительствѣ и прежде всего въ военномъ министерствѣ есть силы (въ этой связи называютъ обыкновенно генерата Шлейхера), упорно работающія надъ «прирученіемъ» Гитлера. Этими силами, твердо стоящимъ на почвѣ Веймарской конституціи и готовымъ бороться противъ всякой диктатуры, было-бы, по вполнѣ опредѣленнымъ военно-политическимъ причинамъ, весьма пріятно, если бы къ власти пришло правое правительство и если бы патриотическія настроенія нацио-

наль - социалистической молодежи можно было-бы ввести въ законныя рамки военной дисциплины. Съ этими планами прирученіи и легализации Гитлеровскаго крыла партіи связывается очевидно и нѣкоторая правительственная надежда на расколъ партіи, на отмираніе его непримиримаго Гёббельсовскаго крыла или на сліяніе этого крыла съ коммунизмомъ, что облегчило бы для національнаго правительства энергичную расправу съ нимъ. Этимъ соображеніемъ объясняется вѣроятно и на шумѣвшій въ свое время приказъ военнаго министра Гренера, открывавшій для праваго національ - социализма двери рейхсвера, съ надеждой оставить лѣвый національ - социализмъ за дверями.

Насколько велики были шансы на выигрышъ этой сложной игры — рѣшить трудно. Ясно лишь то, что она уже не удалась. И не удалась потому, что сердце партіи бьется сейчасъ не въ верхнемъ, гитлеровскомъ слогѣ, а во второмъ, Гёббельсовомъ. Гёббельсъ — рожденный демагогъ; революционеръ, жаждущій власти и не боящійся разрушенія. Его революціонный лафосъ остро социаленъ и совѣтъ не шовинистиченъ. Никакихъ симпатій къ старому міру у него не чувствуется. Генералитета и дворянства онъ не любитъ. Не платитъ французамъ ему по душѣ, но поевать съ ними — врядъ-ли! Его позиція въ партіи, насколько могу судить, очень сильна. За нимъ стоятъ все нисловые функціонеры и большинство штурмовиковъ. Онъ постоянно заявляетъ о своихъ вѣрно-подданическихъ чувствахъ по отношенію къ Гитлеру, но этимъ за-

явленіямъ не очень вѣрится. Среди національ - социалистовъ гитлеровцевъ немало людей боящихся Гёббельса, сомнѣвающихся въ томъ, насколько онъ убѣжденный антимарксистъ и насколько онъ чистый ариецъ.

Таковы два идейныхъ слоя національ - социалистической партіи. Третій составляютъ многомилліонныя массы національ - социалистическихъ избирателей. Я ихъ впервые видѣлъ на предвыборномъ собраніи, о которомъ упоминалъ выше, и былъ пораженъ ихъ благообразнымъ мѣщанствомъ. Здоровые, спокойные, чистоплотные, порядливые они непрерывной автобусной, трамвайной и пѣшеходной волной, десятками тысячъ, текли и текли къ загородному стадиону. Я два часа стоялъ и ходилъ въ толпѣ и не встрѣтилъ ни одного изнутри освѣщеннаго, снѣдаемаго вдохновеніемъ лица. Большинство людей было похоже на лавочниковъ, булочниковъ, газлантерейщиковъ, учителей, готовыхъ чиновниковъ и т. д. Рабочихъ лицъ и рукъ было очень мало. Не было и духовной аристократіи, хотя въ 60.000-ой толпѣ ее разглядѣть было бы, правда, почти невозможно.

Стоялъ изумительный день — ясный и солнечный. Такая же погода стояла очевидно и въ толпѣ. Надъ нею все время леталъ аэропланъ съ громадною надписью «Sturm» (буря) на крыльяхъ. Но никакой бури не предусматривалось. Легкая тѣнь отъ аэроплана нѣжно скользила по бодрымъ, веселымъ лицамъ. Было очень мирно и благодушно. Я этого благодушія не ожидалъ и наканунѣ горячо отговаривалъ знакомую 84-лѣтнюю старушку идти слушать

Гитлера. Но она не послушалась и оказалась права. Она преспокойно пробралась на свое пятимарковое место и благополучно вернувшись, всё время рассказывала, что увидав «сомнышко» (Гитлера), может спокойно умереть.

Никакого особенного энтузиазма в толпе я не ощутил. При приближении автомобиля Гитлера раздалось Heil... Heil... Heil... но очень умеренное. Потом все затихло. Толпа ждала появления Гитлера на арене. Он должен был появиться в устье подземного туннеля вблизи украшенной флагами эстрады. Появился, — и снова всё время не грозное и не восторженное, а всего только приветливое Heil... Heil... Я с напряжением всматривался в этого человека, который, не обладая ни знанием, ни умом, ни политическим опытом, силою одного волевого напряжения рвительно из ничего создал грандиозное политическое движение и имеет, как полагают многие, серьезный шанс захватить в свои руки судьбу и жизнь политически все же очень зрелого и духовно очень значительного народа.

Смотрю и ничего не понимаю. Сквозь строй своих телохранителей идет хорошаго роста, недурно сложенный мужчина в непромокаемом пальто. Идет без всякой стремительности, в развалку, какую-то развинченную походкой, выставляя вперед то правое, то левое плечо. Взошел на эстраду, как-то нисколько повернувшись на ней, подошел к рампе и заговорил. Одну минуту впечатлительные особенности, быть может даже некоторой значительности. Оно вызывается слы-

шимой и ощущаемой затрудненностью речи, паузами, выталкиваниями отдельных слов, — одним словом, чем то похожим на муки рожденного слова, на муки творчества. Но это впечатлительное быстро снимается. Затруднение речи скоро преодолевается, срываются обыкновенные, уже очень обыкновенные слова. Неубедителен и жест: локоть прижать к ребрам. В рубящем движении правой руки есть назидательность, но нет власти. Содержание короткой речи (10-15 минут) непередаваемо бледно: ни одной мысли, ни одного образа, ни одного окрика — вообще ни одной молнии. Вначале мелочное обвинение правительства в том, что ему, Гитлеру, не позволяют пользоваться радио. Потом риторически эффектное утверждение, что все то отрицательное, что, по мнению демократов, националистов и социалистов должно слезать с Германии, они (демократы) уже давно сами с нею слезали: в странах уже царствуют нищета, голод, хаос и революция. В заключении sentimentально-патетическая клятва — погибнуть, но не уступить, хотя бы борьба длилась еще 25 лет. Эта клятва звучит как сигнал отступления. Речь кончена, Гитлер сходит с эстрады... музыка... Heil... Heil... Heil...

В большой полевой бинокль я рассматривал желтоватое, утомленное лицо отговорившаго вождя. Выше лицо очень обыкновенное, парикмахерское, но есть в нем все-же нечто поражающее: есть «выстрел» в быстром взорве, внезапный свет улыбки и грустная злость вокруг скатанных губ, под глупыми, усачьими. Судя по этому всего-

му, внутреннему лицу Гитлера, онъ могъ бы произнести совѣтъ другую рѣчь То, что онъ ея не сказалъ, что онъ вообще ничего не сказалъ, объясняется, конечно, составомъ его нынѣшней многомиллионной аудиторіи, которую онъ, согласно своей теоріи, считаетъ единымъ народомъ, но которая совѣтъ не единый народъ, а очень сложная и мало привлекательная партийная смѣсь.

Рядомъ со мной стоялъ отставной генералъ, у котораго весь кабинетъ завѣшанъ портретами Бисмарка и Гитлера. Радуюсь на ясный день, онъ все время повторяетъ: «настоящая императорская погода. Вильгельму всегда везло на погоду: какъ маневры, такъ такое же солнце!» Неподалеку отъ меня съ генераломъ разсуждали о своихъ дѣлахъ типичные лавочники, убѣжденные собственники и капиталисты, которые голосуютъ за Гитлера только потому, что онъ противъ еврейскихъ универсальныхъ магазиновъ. Гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ стояли вѣроятно безработные, мечтающіе съ разрѣшенія Гитлера пограбить послѣ его прихода къ власти всѣхъ капиталистовъ, а въ томъ числѣ конечно и моихъ сосѣдей лавочниковъ. Удовлетворить всѣ эти желанія и мечты явно невозможно и надо только удивляться тому, какъ всѣ вѣрующіе въ Гитлера не замѣчаютъ, что исполненіе однихъ обѣщаній возможно только путемъ отказа отъ всѣхъ другихъ, исполненіе же всѣхъ вмѣстѣ — равносильно неминуемому и немедленному краху страны.

Но вѣра въ Гитлера сейчасъ психозъ, который еще не скоро начнетъ разсѣиваться. Все — же

разсѣиваться онъ начнетъ, начнетъ на почвѣ утраты самимъ Гитлеромъ вѣры въ себя и свое дѣло.

По своему человѣческому масштабу Гитлеръ и не Ленинъ и не Муссолини. Онъ уже давно не единственный, а быть можетъ и не верховный вождь своей партіи. Съ одной стороны его дѣлу грозитъ ядъ Гёббельсова чекизма, а съ другой удушеніе въ мѣщанской леринѣ обывательскихъ мечтаній. Трудно себѣ представить, чтобы партія не развалилась по намѣтившейся въ ней глубокой трещинѣ.

Противники Гитлера прекрасно видятъ, что корни національ-соціализма начинаютъ подгнивать и ростъ демократической активности безусловно связанъ, какъ я уже и отмѣчалъ, съ этимъ ощущеніемъ. Демократическая Германия начинаетъ освобождаться отъ владычства ея оцѣнѣнія. Крѣпнеть, какъ будто, и правительственная воля къ борьбѣ. Тактика «прирученія» Гитлера будетъ вѣроятно окончательно осуждена. Да и Гитлеръ уже пропустилъ моментъ относительно безболѣзненного перехода на роль возглавителя праваго правительства въ рамкахъ Веймарской конституціи. Послѣ опубликованія документовъ, свидѣтельствующихъ о подготовкѣ національ-соціалистами, не разъ клявшимися въ своей лояльности, самой настоящей революціи, Гитлеру остается одно изъ двухъ: или борьба до конца, или исчезновеніе съ политическаго горизонта. Никакой компромиссъ болѣе невозможенъ. Острота этой позиціи должна неизбежно обстоя-

рить, политическій курс національ - социалистовъ. Думается, что это обостреніе и полѣвнѣе уже начинаетъ обнаруживаться. Среди штурмовиковъ, готовившихъ переворотъ въ ночь съ 13-го на 14-ое марта, правительственное сообщеніе отмѣчаетъ работу дѣлаго ряда вчерашнихъ коммунистовъ. Получены свѣдѣнія объ оживленной дѣятельности группы Отто Штрассера, сильнаго и даровитаго человѣка, исключеннаго въ 1930 году изъ національ - социалистической партіи за коммунистическій кремъ своихъ устремленій. Гёббельсъ, стоявшій близко къ Штрассеру, пошелъ въ послѣднюю минуту за Гитлеромъ. Къ кому онъ сейчасъ ближе въ своихъ замыслахъ, сказать не берусь. Во всякомъ случаѣ уже начинается обрисовываться новое политическое направленіе, давно предсказанное нѣкоторыми внимательными наблюдателями нѣмецкой жизни. Оно именуется себя «чернымъ фронтомъ» и стремится къ объединенію социальнаго болѣе радикальныхъ, національ - социалистовъ, съ национально настроенными коммунистами. Цѣль этого движенія — національная революція слѣва, или созданіе настоящаго «нѣмецкаго социализма». Такъ изъ кровавыхъ ночныхъ боищъ между національ - социалистами и коммунистами рождается нѣкій третій радикализмъ, съ которымъ будетъ одинаково не по пути и интернационалистическому коммунизму, и національ - социалистическимъ Гогенцоллернамъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что кризисъ, намѣтившійся въ національ - социализмъ, по своему характеру не таковъ, чтобы демократія могла рассчитывать на лег-

кую побѣду. Начатое «желѣзнымъ фронтомъ» наступленіе будетъ развиваться съ большимъ трудомъ. Для того, чтобы одержать побѣду, нѣмецкой демократіи и въ частности социаль - демократіи придется проѣлать очень большую работу надъ своимъ собственнымъ политическимъ сознаниемъ.

Въ какомъ направленіи нужна работа, на это указываетъ своеобразная фигура канцлера Брюнинга.

Чѣмъ пристальнѣе всматриваешься въ этого человѣка, чѣмъ глубже вдумываешься въ избранный имъ путь, тѣмъ больше и больше удивляешься, что онъ все еще стоитъ на своемъ посту. Отчасти это объясняется его блестящими формальными дарованиями. Брюнингъ очень уменъ, глубоко образованъ и всесторонне свѣдущъ. Онъ человѣкъ громадной воли и, кажется, неограниченной работоспособности. Онъ осмотрителенъ и смѣлъ, спокоенъ и страстенъ, молчаливъ и краснорѣчивъ. Онъ большой знатокъ людей и потому прекрасный политическій тактикъ.

Все это такъ, и все-же все это не объясняетъ успѣха этого тихаго человѣка, пришедшаго къ власти въ моментъ, когда казалось вотъ-вотъ грянетъ всеуничтожающая гроза. Успѣхъ этотъ объясняется только однимъ: тѣмъ исключительнымъ религіозно-правительственнымъ идеализмомъ Брюнинга, который связываетъ и объединяетъ въ одно цѣлое всѣ стороны его большаго, солиднаго, по совѣзму не блестящаго, врядъ ли совершенно исключительнаго дарованія. Этотъ необычный для современнаго политическаго дѣят-

ля идеализмъ сказывается въ самомъ стилѣ всѣхъ выступлений и рѣчей Брюнинга. Въ каждой своей рѣчи онъ не всеу, а по существу упоминаетъ имя Господа Бога и убѣжденно подчеркиваетъ свою вѣру въ силу добра. Какъ бы гнусно на него ни напали, онъ никогда не отвѣчать въ томъ же духѣ. Его политическія рѣчи лишены всякихъ полемическихъ украшеній. Если въ немъ, какъ въ политическомъ дѣятелѣ, есть, съ точки зрѣнія современности, большой недостатокъ, такъ это полное отсутствіе самозабвеннаго гнѣва. Говоря въ громадныхъ собраніяхъ, обращаясь къ массѣ въ 10, 15 тысячъ человекъ, онъ никогда не превращается въ оратора для массы. Для него аудитория въ 15.000 человекъ не безликая масса, а соборное лицо любимаго имъ нѣмецкаго народа. Конечно, онъ не «рубаха-парень»; онъ очень умѣлый политическій игрокъ, за которымъ стоитъ весь долгій опытъ католицизма, но его умѣніе чуждо всякой демагогіи. Конечно, и онъ не всегда и не все время говоритъ всю истину, но все же онъ никогда не лжетъ.

То, что Брюнингъ католикъ, — конечно, не случайность. Его политическое сознаніе тѣснѣйшимъ образомъ связано съ идеологіей центра. Особенности центра, какъ партіи, заключаются въ томъ, что эта партія никогда не связывала себя опредѣленной программой, что она никогда не связывала своихъ судебъ съ опредѣленнымъ классомъ, что она постоянно объединяла въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ слоевъ общества, что она никогда не защищала отвлеченнаго интернационализма,

но никогда не проповѣдывала и языческаго шовинизма.

Ясно, что среди отвѣстныхъ политиковъ центра были люди разнаго типа. Для того типа, который представляетъ собою Брюнингъ (въ противоположность напримеръ, Эрбергеру), характерно преобладаніе внутренней релігіозности надъ внѣшнимъ клерикализмомъ, горячаго патриотизма надъ католическимъ интернационализмомъ и обостренной социальной совѣсти надъ часто встречающейся какъ разъ у католиковъ тенденціей не придавать особаго значенія разницѣ тѣхъ социальныхъ условий, въ которыхъ живутъ разные слои населенія. При этомъ важно, что къ своему патриотизму Брюнингъ пришелъ черезъ добровольчество (онъ добровольцемъ пошелъ на войну), а къ обостренію своей социальной совѣсти — на путяхъ своей долгой дѣятельности, въ качествѣ вождя нѣмецкаго профсоюза (deutscher Gewerkschaftsbund).

Таковъ духовный обликъ германскаго вождя антифашистскаго фронта. Защищая демократію, защищая свободу противъ національ-соціалистическаго и коммунистическаго натиска, Брюнингъ защищаетъ не только интересы и программы партіи Веймарской конституціи, но и что гораздо большее. Въ концѣ концовъ онъ защищаетъ отъ растлѣнія и разрома духовную сущность своего народа. Если социальная демократія, проявивъ изумительную политическую зрѣлость и дисциплинированность, отдавала свои голоса Гинденбургу, а тѣмъ самымъ пока что и Брюнингу болѣе за страхъ, чѣмъ за совѣсть, то за совѣсть подавала ихъ вся

та подспудная, трезвая, примиренческая, не растлвнная политической фразой Германія, обликъ которой я пытался нарисовать на первыхъ страницахъ этого письма. Политическая сила канцлера заключается не въ послѣднюю очередь въ томъ, что онъ является политическимъ выразителемъ сверхъ - политическихъ религиозно-нравственныхъ силъ страны.

Не будь въ распоряженіи нѣмецкой демократіи такихъ людей, какъ Гинденбургъ и Брюннингъ, еще неизвѣстно, не былъ бы уже сейчасъ у власти какой-нибудь красный, черный, или красно-черный Гитлеръ. Для борьбы съ коммунизмомъ и національ-социализмомъ ни у лѣво-либеральной (расколбашенной на рядъ немощныхъ мелкихъ партій), ни у социалистической (утратившей свое вліяніе на внѣпартійныя трудовыя массы) демократіи нѣтъ никакихъ собственныхъ силъ и средствъ. Демократическіе идеалы сами по се-

бѣ больше не звучать (если бы они звучали, успѣхъ національ-соціалистовъ и коммунистовъ былъ бы необъяснимъ). Правда, лозунгъ свободы на знаменахъ и плакатахъ «железнаго фронта» сейчасъ снова зазвучалъ, но такъ какъ звучаніе это вызвано не внутреннимъ пафосомъ, а внѣшнимъ натискомъ право-лѣваго радикализма, то оно и звучитъ не то какъ отчаянное «караулъ», не то какъ героическое «ура».

Такого осмысленія свободы послѣ побѣды надъ врагомъ снова окажется мало. Потребуется иное, болѣе глубокое; то смятое, которому служить Брюннингъ.

Задача демократіи въ освоеніи религиозно - нравственного міросозерцанія Брюннинга. То, что она на это способна, доказывается тѣмъ, что защищать свои религиозные идеалы люди типа Брюннинга могутъ только въ рядахъ демократіи.

Федоръ Степунъ.

Идея социальнаго права

I.

Съ полнымъ основаніемъ профессоръ Парижскаго Университета Ле-Фюрь отозвался о послѣднемъ трудѣ Г. Д. Гурвича*), недавно съ такимъ блескомъ защищенномъ имъ въ качествѣ дис-

сертации на степень доктора эстетръ въ Сорбоннѣ, что трудъ этотъ представляетъ собою событіе въ наукѣ о правѣ. И дѣйствительно. «Идея социальнаго права» Г. выдѣляется прежде всего широтой своего замысла: такъ какъ «соціальное право» есть не столь-

*) *Georges Gourvitch: I. L'idée du Droit Social. Notion et système du Droit Social. Histoire doctrinale depuis le XVIIe siècle jusqu'à la fin du XIXe siècle. Recueil Sirey. Стр. 710, Paris,*

1932. — II. *Le temps présent et l'idée du droit social. J. Vrin. Стр. 333, Paris, 1932.* — Обѣ книги представляютъ собою два тома единого по темѣ и замыслу труда.